

КУДА ВЕДЕТ КРИЗИС КУЛЬТУРЫ?

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

ФОНД «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

КУДА ВЕДЕТ КРИЗИС КУЛЬТУРЫ?

Опыт междисциплинарных диалогов

Под общей редакцией
И.М. Клямкина

МОСКВА 2011

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

К88

Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов /
K88 Под общ. ред. И.М. Клямкина
М.: Новое изда́тельство, 2011. — 538 с.

ISBN 978-5-98379-156-5

Книга «Куда ведет кризис культуры?» объединяет материалы междисциплинарных семинаров, проходивших в фонде «Либеральная миссия» в 2010–2011 годах. На вопрос, вынесенный в заглавие книги, ищут ответ, полемизируя друг с другом, Михаил Афанасьев, Алексей Давыдов, Денис Драгунский, Алексей Кара-Мурза, Игорь Клямкин, Вадим Межуев, Эмиль Пайн, Андрей Пелипенко, Наталья Тихонова, Игорь Яковенко и Евгений Ясин.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-98379-156-5

© Фонд «Либеральная миссия», 2011

© Новое изда́тельство, 2011

Содержание

После Утопии. Предисловие редактора	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КРИЗИС РАЗВИТИЯ ИЛИ КРИЗИС УПАДКА?	
Возможна ли европеизация нашего исторического сознания?	13
Обсуждение доклада Михаила Афанасьева «О древней и новой политической культуре в России»	
Российская ментальность до и после смерти «Должного»	56
Обсуждение доклада Андрея Пелипенко «„Русская система“ в культурном измерении»	
Ценности модерна в стране и мире	118
Обсуждение доклада Эмиля Паина «Перманентный кризис культуры модерна или временная „обратная волна“?»	
Репрессивная традиция	191
Обсуждение доклада Игоря Яковенко «Русская репрессивная культура и модернизация»	
Ловушки демилитаризации	261
Обсуждение доклада Игоря Клямкина «Демилитаризация как историческая и культурная проблема»	
Автопортрет массового человека	307
Обсуждение доклада Натальи Тихоновой «Особенности нормативно-ценостной системы российского общества»	
Культурная революция или культурная деградация?	376
Обсуждение доклада Алексея Давыдова «Кризис культуры и культурная революция»	

АВТОПОРТРЕТ МАССОВОГО ЧЕЛОВЕКА
Обсуждение доклада
Натальи Тихоновой «Особенности
нормативно-ценностной системы
российского общества»

Игорь Клямкин:

Уважаемые коллеги, сегодня у нас есть возможность представить себе кризис культуры в России в количественном измерении. Или, говоря иначе, увидеть его глазами социолога. Доклад Натальи Евгеньевны Тихоновой «Особенности нормативно-ценностной системы российского общества», который нам предстоит рассмотреть, содержит обширную информацию, позволяющую судить о природе этого кризиса, его глубине и перспективах его преодоления.

Мы уже не раз говорили о роли и месте традиций в современной российской культуре. При этом согласовать позиции участникам семинара так до сих пор и не удалось. Алексей Давыдов и Игорь Яковенко остаются при своем мнении о доминировании в этой культуре традиционалистского начала, а Эмиль Паин продолжает стоять на том, что ее традиционность уже разрушена и почти никак и ни в чем не проявляется. У Натальи Евгеньевны на этот счет своя точка зрения, которую она обосновывает, в том числе и данными регулярно проводимых при ее непосредственном участии социологических опросов.

Докладчик, выделив в составе населения семь мировоззренческих кластеров, показывает, что в современной России идет процесс разрушения традиционной культуры, ее норм, ценностей и установок при одновременном формировании культуры модерна. Однако в самом этом модерне, по мнению Натальи Евгеньевны, сохраняется преемственная связь с традицией. Связь, которая не позволяет, как полагает докладчик, утвердиться в России модерну западного типа и обусловит формирование в ней культуры модерна «альтернативного».

Такова концепция доклада, который нам предстоит обсудить.

Наталья Тихонова, заведующая кафедрой социально-экономических исследований Высшей школы экономики

**Особенности нормативно-ценностной системы
российского общества**

Благодаря исследованиям последних лет (Н. Лапина и Л. Беляевой, Н. Лебедевой и А. Татарко, В. Магуна и М. Руднева, Н. Тихоновой и М. Горшкова, В. Ядова и Е. Даниловой и других), в российской науке уже достаточноочно прочно утвердились точка зрения, что в нашей стране происходит разложение модели культуры, характерной для обществ традиционного, доиндустриального типа, хотя само превращение России из крестьянской страны в развитую индустриальную державу совершилось более полувека назад. Однако вопрос о том, чем именно заменяется эта модель, включая характерные для нее нормативно-ценостные системы, являющиеся ядром любой культуры, нуждается в отдельном исследовании. Актуальность его обусловлена, прежде всего, необходимостью понимания

потенциального места России в условиях нового мирового порядка. Ведь то место, которое сможет занять наша страна в глобальной экономике и, следовательно, и в мировой политике, напрямую связано с перспективами и итогами завершения в ней социокультурной модернизации¹.

Предметом данного доклада являются, однако, отнюдь не все аспекты социокультурной модернизации. Речь пойдет в нем лишь об особенностях нормативно-ценостных систем российского общества, которые касаются взаимоотношений человека, общества и государства, характера их изменения в последние 15 лет, а также оценки основных типов (моделей) мировоззрения, существующих сегодня в России. Причем то, что те или иные нормы могут далеко не всегда соблюдать на практике, не имеет для нашего анализа никакого значения. Нашей задачей является понять, как в российской культуре меняется представление о должном — в частности, об оптимальном для России типе социума и принципах его функционирования. Понять, как в этой культуре появляются новые черты и грани, а старые приобретают новый смысл. Ведь именно изменение старых смыслов и появление новых во взаимодействии культуры и изменяющейся реальности и составляет суть культурных изменений. Анализ же того, как согласуются эти представления о должном с реальностью, совсем другая исследовательская задача.

Векторы культурной эволюции

Начну с того, что еще раз² зафиксирую: господствующая в России нормативно-ценостная система выступает, на мой взгляд, разновидностью систем, характерных для элакратических обществ, вступивших уже в эпоху своего разложения — «неэлакратических»³ или «позднеэлакратических». С точки зрения доминирующих в ней норм, отражающих представления о должном, интересы общности — прежде всего, общества в целом, народа, страны — превыше интересов и прав отдельных людей. Государство в рамках этой системы норм — инструмент реализации интересов макрообщности, и именно ее интересами как целого и должно оно руководствоваться в своей деятельности, как, впрочем, и любой человек или социальная группа.

В глазах россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство как выразитель общих интересов должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой

1 Модернизацию я понимаю в ее неомодернизионной трактовке, как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные (доиндустриальные) общества достигают состояния модерна посредством не только экономической, политической, социальной и культурной, но и социокультурной модернизации. Под последней я подразумеваю формирование новых нормативно-ценостных систем и смыслов, поведенческих паттернов, систем санкций и т.д., а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что в совокупности и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.

2 См. подробное обоснование этой точки зрения: Тихонова Н.Е. 1) Личность, общество, власть в российской социокультурной модели // Общественные науки и современность. 2001. № 3; 2) Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Там же. 2005. № 6; 3) Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Там же. 2006. № 1; 4) Социокультурная модернизация в России. (Опыт эмпирического анализа). Статьи 1–2 // Там же. 2008. № 2–3, а также: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2010 (разделы 3, 4).

3 Шкарлатан О. Становление постсоветского неэлакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 5–22.

общности. Не случайно в 2010 году большинство взрослого населения страны (76% ответивших на данный вопрос при 24% не согласных с предложенным респондентам суждением) считали, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности⁴. Именно в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, даже если это означает нарушение их гражданских прав. Во всяком случае доля согласных с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если того требуют интересы государства, в России уже много лет больше, чем с этим не согласных. В 2010 году их было 39% при 34% не согласных и 27% не сумевших определиться в этом вопросе с собственной позицией.

В то же время динамика распространенности подобных взглядов свидетельствует о быстром размывании основ легитимности идеи всевластия государства и приоритетности его интересов (рис. 1). Особенно заметно это в том, что касается

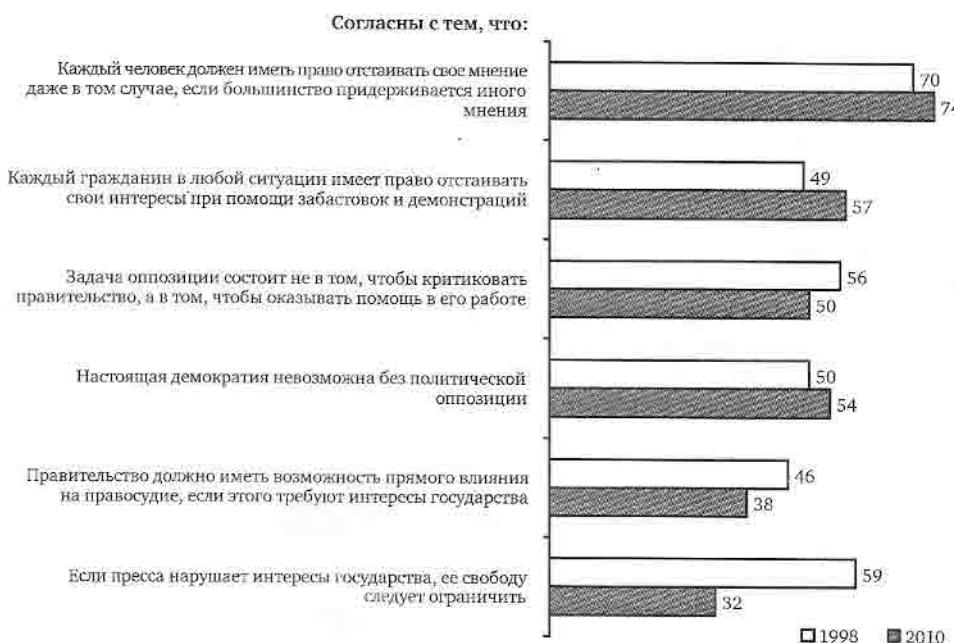

Рисунок 1. Динамика взглядов россиян по некоторым вопросам в 1998–2010 годах (% от числа опрошенных, россияне до 65 лет)

4 Речь идет об общероссийском исследовании Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), отразившем настроения населения страны старше 18 лет по полу, возрасту, региону проживания и типу поселения. В докладе используются также данные исследований: «Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов» (1995), «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (1998, 2007), «Собственность в жизни и восприятии россиян» (2005). Выборка и результаты этих исследований описаны, частности, в работах: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2010; Российская идентичность в социологическом измерении / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2008; Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. М., 2006; Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2005 и др.

свободы слова. По отношению к необходимости ее ограничивать, если она нарушает интересы государства, россияне сейчас делятся на три практически равные части, хотя еще 10–12 лет назад отчетливо доминировала позиция признания за государством права на реализацию своих интересов в этой области. Сейчас же в данном отношении наибольшей (36%) является доля тех, кто не признает за государством права ограничивать свободу прессы, даже если она нарушает его интересы.

Кроме того, поскольку прежняя система норм вступила уже в фазу своего разложения, то в ней не допускается жестко тоталитарная или авторитарная модель действий государства. Скорее это «смягченный» вариант такой модели, предполагающий право людей не просто свободно высказывать свое мнение и отстаивать его вопреки позиции большинства, но даже отстаивать свои интересы с помощью забастовок и демонстраций. Естественна в этом контексте и легитимизация права государства ограничивать свободу прессы. Одновременно активно растет запрос на Закон («писаное право») как новый социальный регулятор, приходящий в обществах модерна на смену Традиции, выступавшей ранее в этом качестве. В познешакратических обществах одной из таких традиций выступает и соблюдение так называемого телефонного права, отражавшего различие социальных статусов во властной иерархии и, как правило, вступавшего в противоречие с правом «писаным».

О росте этого запроса свидетельствует не только резкое падение за последние годы толерантности россиян к возможности влияния государства на правосудие, но и растущее в их среде понимание, что законы надо соблюдать в любом случае, каковы бы они ни были (рис. 2). Не случайно именно равенство всех перед законом (лозунг, знаменующий собой важнейший этап социальной модернизации) выступает в сознании россиян ключевой проблемой реализации поставленной президентом России задачи модернизации страны, обгоняя в этой роли и технологическую перестройку экономики, и даже реализацию принципа социальной справедливости. Равенство всех перед законом уже много лет россияне называют и важнейшим признаком демократии.

Рисунок 2. Согласие с суждениями, отражающими особенности отношения россиян к закону в 1995–2010 годах (% от числа опрошенных, сумевших определить свою позицию в данных вопросах)⁵

Учитывая, что речь идет о сравнительно коротком временном периоде, такой рост свидетельствует о достаточно быстрой перестройке общественного со-

⁵ Вопрос не носил альтернативного характера, и по каждой из переменных ответ выбирался отдельно, поэтому общая сумма ответов более 100%.

знания и постепенном преодолении россиянами правового нигилизма. И хотя группа считающих, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет, и отдающих приоритет справедливости по-прежнему очень многочисленная, все же впервые за время наблюдений она стала составлять в 2010 году менее 50%, сократившись за 15 лет примерно на четверть в относительном выражении. Сократилась и доля увязывающих необходимость соблюдать закон с тем, насколько законопослушны представители органов власти. Зато вырос процент людей, полагающих, что всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если он уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям.

Тем не менее, несмотря на все эти изменения, отражающие ярко выраженный запрос на то, чтобы закон как социальный регулятор, наконец, заработал, наши сограждане и в настоящее время остаются в массе своей сторонниками «консенсусной» модели законопослушания. Модели, предполагающей, во-первых, что закон надо соблюдать только в том случае, если он соблюдается властями, а во-вторых, если он прошел моральную легитимизацию, т.е. соответствует представлениям респондентов о социальной справедливости.

Ярким свидетельством в пользу такой интерпретации полученных данных выступает отношение к необходимости выполнять распоряжения руководителей независимо от того, убежден ты в их правоте или нет. Хотя доля убежденных в том, что руководителям нужно подчиняться, даже если ты не согласен с их требованиями, за последние 15 лет выросла, свыше двух третей работающих по-прежнему к этому не готовы. Это означает, что саботаж распоряжений «начальства», еще со времен крепостного права являющийся в России основным способом борьбы за свои интересы, имеет определенную и четкую артикулированную подоплеку — убеждение, что делать надо только то, с чем ты согласен. Причем это убеждение является общей социокультурной нормой, поскольку его разделяют (в среднем примерно в двух третях случаев) даже предприниматели, имеющие наемных работников, и руководители разных уровней. Вряд ли можно в таких условиях ожидать укрепления технологической дисциплины, столь важной для модернизации российской экономики и развития высокотехнологичных отраслей.

Эти представления не зависят от того, где прошла первичная социализация людей, где они живут в настоящее время, а также от их пола, образования, профессиональной принадлежности, общей оценки ими своей ситуации на работе, стиля руководства на ней и т.д. Даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина респондентов считает, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае. Остальные же сотрудники силовых структур убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны.

Однако постепенно в России все же формируются предпосылки для того, чтобы на место «вольницы», где каждый делает лишь то, с чем согласен, пришли нормы и модели поведения современных обществ с их уважением к закону, эффективно работающей судебной системой и умением отстаивать свои групповые интересы в рамках предложенных институциональных форм. Об этом свидетельствует не только уже упоминавшийся запрос россиян на активизацию закона как социального регулятора, но и динамика традиционно свойственного им восприятия свободы как полностью бесконтрольного и ничем не ограниченного поведения (не случайно анархизм как учение так пышно расцвел более ста лет назад именно на российской почве). Процесс вытеснения понимания свободы как «воли», анархического восприятия ее как «свободы от...» (общества, начальства, многочисленных должествований, вытекающих из различных социальных ролей), характерным для общества модерна ее пониманием как «свободы для...», т.е.

возможности защищать свои интересы в рамках предусмотренных законом прав и свобод, пусть очень медленно, но все-таки идет. Так, если 15 и даже 10 лет назад в двух альтернативных определениях свободы («свобода — это возможность быть самому себе хозяином» и «свобода человека реализуется в его политических правах и свободах») соотношение сторонников первой и второй позиций составляло 65:35, то сейчас — 60:40.

Однако, поскольку свобода для россиян — это все еще, прежде всего, «свобода от», то и многие инструментальные ценности демократии для них сравнительно неважны. Ключевые признаки демократии в их глазах — равенство всех граждан перед законом (53%), независимость суда (43%), свобода печати (43%), свободные выборы власти (40%) и возможность свободно высказывать свои политические взгляды (36%). Что касается многопартийности, наличия оппозиции и других инструментов демократии как ее основных признаков, то в 2010 году их назвали менее 20% опрошенных. Вспомним в данной связи также и понимание ими задач оппозиции, которая как особая политическая сила призвана в их глазах не конкурировать в борьбе за власть, а контролировать правильность поведения «власти» в отношении соблюдения ею общественных интересов и помогать ей в этом главном для всех деле.

Это, конечно, принципиально иная система норм, регулирующих взаимоотношения личности, общества и государства, нежели существующая в западной культуре, где государство не просто заботится об абстрактном «благе народа», а выступает гарантом интересов и прав человека в его взаимоотношениях с обществом. К сожалению, и та модель развития рыночной экономики, которая органично вытекает из ключевой роли государства в жизни общества и представляется россиянам оптимальной для России, имеет мало общего с современными высокоеффективными моделями такой экономики. Данные исследований позволяют говорить об устойчивом тяготении граждан России к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По их мнению, все стратегические отрасли экономики и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства.

В то же время и в этом вопросе можно увидеть признаки постепенного разложения норм, служащих основанием для легитимации позднеэлакратической модели развития, а число сторонников более современной организации экономики России постепенно растет (рис. 3).

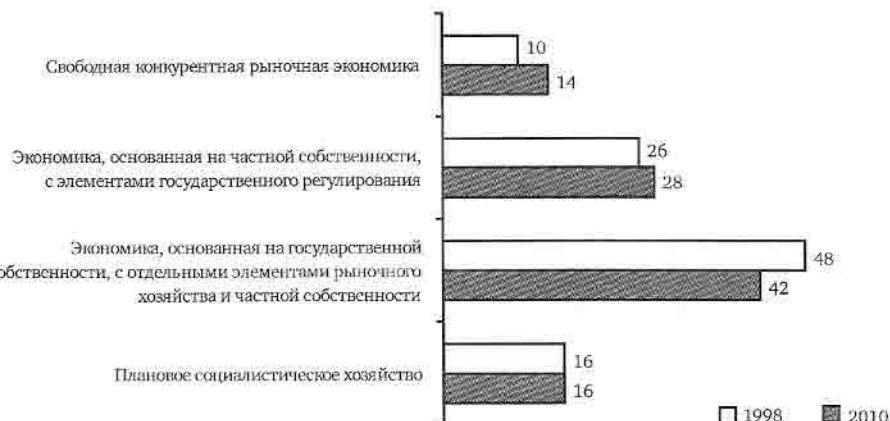

Рисунок 3. Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России (1998–2010, % от числа опрошенных, россияне до 65 лет)

Тем не менее восприятие государства как ключевого экономического агента с вытекающим отсюда запросом на усиление его роли в экономике и расширение сферы государственной собственности остается ключевым отличием россиян от населения стран западной культуры (рис. 4).

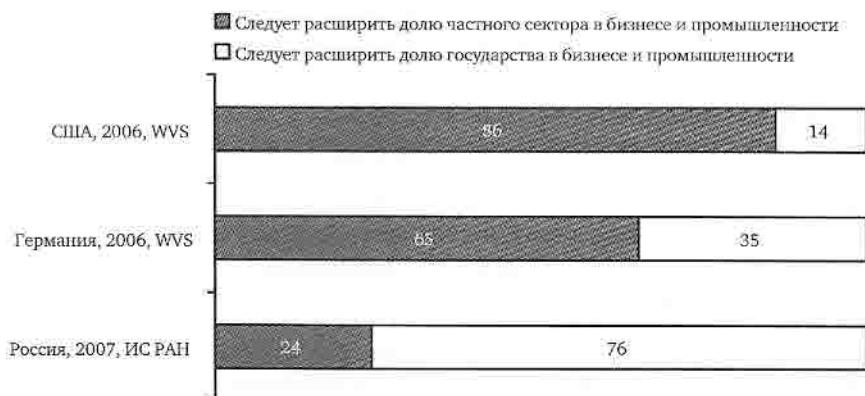

Рисунок 4. Отношение к целесообразности расширения государственного и частного секторов у граждан разных стран мира (% от числа опрошенных)⁶

Совсем иной, чем для представителей западной культуры, смысл имеет для россиян и институт частного предпринимательства. Предпринимателей они воспринимают весьма толерантно, и в глазах большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту со стороны государства в условиях России. Однако такое восприятие распространяется лишь на законопослушный и экономически эффективный малый и средний бизнес. Что же касается бизнеса крупного, то ему места в нормативной модели наших сограждан практически нет. Кроме того, в системе смыслов российской культуры именно государство является реальным (а желательно и рачительным) «хозяином» всего национального богатства, частью которого оно временно дает «попользоваться» при определенных условиях их формальным собственникам. При этом главный персонаж российского экономического мышления не столько «собственник», сколько именно «хозяин» («хозяин — барин»). В данном контексте понятно, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу, основная масса россиян убеждена, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует без всякой компенсации национализировать.

Легитимность гипертрофированной роли государства в экономической сфере — и в целом, и по отношению к частной собственности — связана отчасти и с таким специфическим аспектом понимания института частной собственности в российской культуре, как право собственника бесконтрольно и без всяких ограничений распоряжаться соответствующим объектом⁷. Это вытекает из уже упоминавшейся специфики российского понимания свободы как «свободы от».

6 Данные по Великобритании, Германии и США здесь и далее приводятся по исследованию World Value Survey (волна 2006 года).

7 Добавлю в этой связи, что собственность для большинства россиян — это не любой объект соответствующего права, а нечто материальное, прежде всего — различного рода недвижимость. В данном отношении весьма характерно, что даже крупная сумма денег в меньшей степени ассоциируется для них с частной собственностью, чем телевизоры, холодильники и мебель.

Учитывая такое понимание свободы, в том числе и экономической, можно выделить три группы видов собственности, по отношению к хозяевам которых права государства в представлении россиян существенно различаются. Причем в данном вопросе у них существует практически полное единодушие, вытекающее из представлений о роли соответствующего объекта в жизни сообщества и возможных последствиях бесконтрольного распоряжения им.

Первая группа включает в себя собственность, используемую в частной жизни граждан — жилье, крупные суммы денег, земельные участки и т.п. В распоряжении этими видами собственности их «хозяева», кто бы они ни были, по мнению подавляющего большинства респондентов, должны быть полностью свободны. Вторая группа включает в себя земли для производства сельхозпродукции на продажу, акции предприятий и сами предприятия. По отношению к этим объектам допускается собственность на них и частных лиц, и коллективов, и государства, но контроль за их использованием по отдельным, наиболее важным для жизни сообщества параметрам должно осуществлять государство. Что же касается всех видов природных богатств, а также транспортных коммуникаций и энергетики, то именно государство выступает в сознании россиян подлинным владельцем («хозяином») соответствующих объектов независимо от того, кто в тот или иной момент является их формальным собственником.

И все же и в этой области нормативных представлений наших сограждан наблюдается очень интенсивная динамика (рис. 5), отражающая принятие ими новых норм по отношению к экономической основе развития российского социума.

Согласие с тем, что государство имеет право ограничивать права собственников:

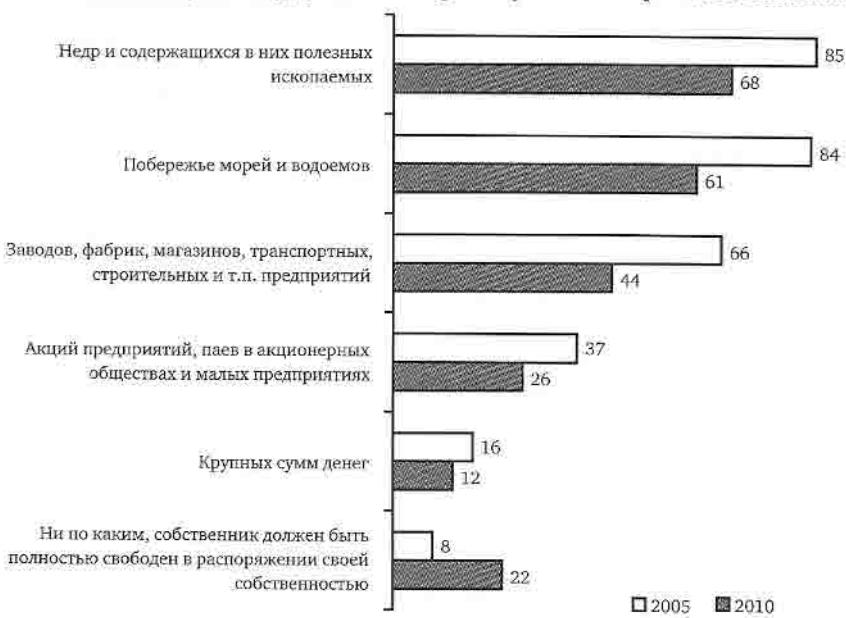

Рисунок 5. Динамика представлений россиян о том, применительно к каким видам собственности государство может ограничивать права их собственников, 2005–2010 (% от числа опрошенных)

Существенно при этом, что россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит

труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размыта и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус. Тот, чье право на соответствующее имущество основано лишь на традиции и морально-этических основаниях, у большинства населения России вызовет большую поддержку, чем тот, кто является собственником «по документам», но без моральной легитимации своего права.

Одним из проблемных, с точки зрения успешного экономического развития в условиях глобализирующейся экономики, аспектов понимания собственности в российской культуре и норм, регулирующих отношение к ней, выступает восприятие россиянами права «чужих» (иностранных компаний или граждан) иметь собственность на территории России. Если речь идет об отдельных людях, то определенная часть (хотя и меньшинство) наших сограждан не против наличия у них в собственности квартиры, используемого ими для собственных нужд земельного участка и даже акций предприятий. Однако превращения граждан других государств в хозяев земель сельхозназначения или промышленных предприятий россияне скорее не хотят, чем это приветствуют. В еще большей степени это относится к иноfirmам, хотя в данном вопросе наблюдается очень интенсивная динамика, позволяющая даже говорить о переломе тенденций (рис. 6). Видимо, отчаявшись в поисках «эффективных собственников» внутри России, ее население начинает все лучше относиться к проявляющим интерес к отечественным предприятиям зарубежным компаниям.

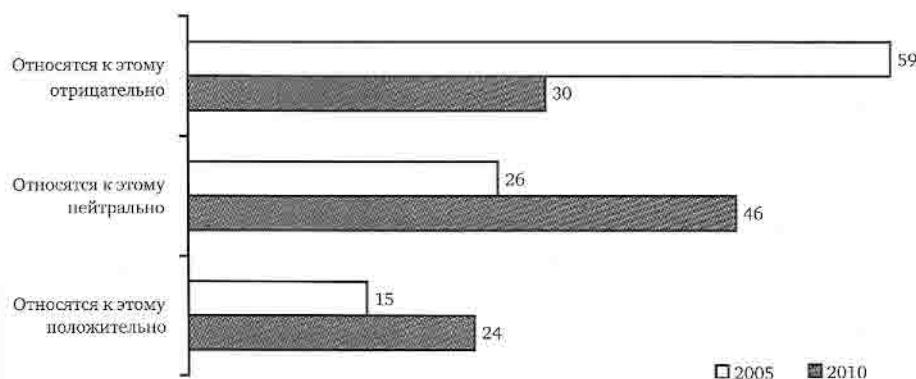

Рисунок 6. Динамика отношения россиян к существованию предприятий, принадлежащих иностранным фирмам, 2005–2010 (% от числа опрошенных)

Но против чего россияне категорически протестуют, так это против передачи в собственность гражданам или фирмам из других стран природных богатств страны, в особенности ее недр. Исключительно последовательно россияне настаивают и на том, что государство должно быть собственником не только природных ресурсов, но и природных комплексов и объектов природы. Единственное исключение, которое они делают из этого правила — земли сельскохозяйственного назначения. Закономерность в этом вопросе прослеживается следующая: если люди могут хотя бы теоретически сами что-то получить от наличия такого рода собственности в частных руках, то они в большей степени, чем другие, приветствуют частную собственность на сельскохозяйственные земли. Если же этот вопрос носит для них абстрактный характер, то они руководствуются

идеологическими соображениями. Не удивительно поэтому, что основными противниками частной собственности на землю выступают представители старших возрастов и «социальные аутсайдеры». Та же тенденция фиксируется в отношении частной собственности на акции предприятий и на сами предприятия.

В связи с характеристикой экономической составляющей нормативных представлений россиян нельзя не упомянуть и о феномене патернализма. Именно в этом вопросе ярче всего видно, что существующая в российской культуре модель «должного» социума, которая обеспечивает устойчивость существующей в России модели общества и отторжение всех институтов, которые пытаются в него «имплантировать», вступила в фазу своего разложения. Характерная для российской культуры нормативная модель взаимоотношений личности, общества и государства в ее современном варианте уже не предполагает безусловной и безоговорочной жертвенности со стороны рядовых членов общности. Она носит консенсусный характер и предполагает, что *каждая из сторон выполняет свои обязательства только в том случае, если их выполняет и другая сторона*. Поскольку же, с точки зрения россиян, в последние два десятилетия принципы функционирования данной модели постоянно нарушаются, то и сами они не собираются их соблюдать. Более того, такое поведение государства ведет не только к увеличению разрыва между «должным» и «сущим» в восприятии россиян и тем самым к делигитимизации государства, но и к постепенному изменению тех норм, на которых основана легитимность самого существования элитаристических обществ для их членов.

Такая динамика связана с тем, что к числу главных функций государства в рамках существующей в российской культуре нормативной модели относится не только адекватное выражение текущих и стратегических интересов макрообщности, но и забота о минимальных текущих нуждах членов этой общности, для чего, собственно, государству и нужно занимать «ключевые высоты» в экономике. Последовательная реализация этих функций — основа легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти, их «послушания». Таким образом, мы имеем здесь дело не просто с патернистскими ожиданиями, а с распространенностю среди населения норм, отражающих так называемые *патрон-клиентские отношения*. Отношения, при которых государство получает от населения мандат легитимности на практически необъятные властные и имущественные права одновременно с делегированием ему ответственности за положение его граждан и принятие решений, касающихся страны в целом. И если оно не выполняет своих обязательств, то граждане предъявляют ему претензию за недостаточное к ним внимание (рис. 7), а со временем и отказывают ему в легитимности его власти.

Как видим, позиции россиян и в этом вопросе, как и в вопросе о роли государства в экономике, принципиально отличаются от позиций представителей западной культуры. В то же время по другим компонентам их экономических взглядов (убежденности в том, что конкуренция — это хорошо, так как стимулирует людей напряженно работать, что благосостояние каждого может увеличиваться за счет роста благосостояния всего общества, а не за счет ухудшения положения других людей и т.д.) население нашей страны мало чем отличается от жителей «старой Европы».

При этом динамика взглядов россиян в тех двух принципиальных моментах, которые отличают их «экономический менталитет» от взглядов на базовые принципы развития экономики жителей «старой Европы» и США (т.е. в распространенности патернистских ожиданий и представлениях о ведущей роли государства в экономике) говорит о разной природе этих моментов. В отличие от

практически не меняющегося отношения к роли государства, распространенность патерналистских ожиданий — это реакция на ситуацию, когда большинство населения мало что может сделать для улучшения своего положения из-за реальных структурных ограничений. А также на то, что в преддверии российских рыночных реформ доминировала норма, согласно которой ответственность за собственное самообеспечение в большей степени должны нести сами люди⁸.

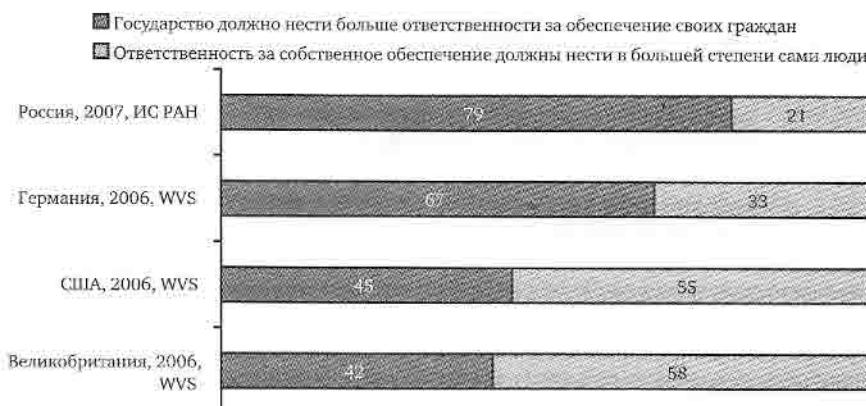

Рисунок 7. Распространенность патерналистских настроений у граждан разных стран мира (% от числа опрошенных)

Решающую роль в этом переломе сыграли 1990-е годы. Именно тогда произошел не просто фактический уход государства от обязательств перед своими гражданами, но и смена политической риторики с провозглашением государством, по сути дела, лозунга «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». И хотя с изменением политической риторики, а отчасти и реальной внутренней политики в 2000-х годах произошла некоторая реанимация старых норм, скепсис в отношении «заботы» государства о своих гражданах продолжает доминировать в массовом сознании. Он усиливается тем больше, чем больше реальный жизненный опыт убеждает людей в том, что в предлагаемой государством системе «правил игры» подавляющее их большинство не способно самостоятельно справиться со своими проблемами, так как решающую роль в ней играют не столько личные усилия, сколько связи и везение.

Показателен в данном отношении качественный разрыв между представителями самой активной в трудовом отношении возрастной когорты 31–40 лет (или работающими в целом), которые на собственном опыте видят, чем определяется в современной России занятие благоприятных структурных позиций, и пожилыми людьми, чьи суждения в этом вопросе определяются чисто нормативно, из усвоенной когда-то и не скорректированной сегодняшним опытом системы взглядов (рис. 8). Это выразительное свидетельство того, что причины распространенности в России патерналистских ожиданий надо искать не столько «не в тех нормах», сколько «не в той реальности». Убеждение респондентов, что они смогут сами обеспечить себя и свою семью, и поэтому не нуждаются в материальной помощи со стороны государства, доминирует только в одной возрастной группе — до 25 лет включительно. В группе 26–30 лет доля сторонников как этой точки зрения, так и убеждения,

8 Данные World Value Survey, 1990 (вторая волна — 1989–1993).

что без материальной поддержки со стороны государства им и их семьям выжить сложно, практически выравнивается. А после 30 лет перевес в пользу второго из этих альтернативных суждений становится очень значителен (14% и более).

- Упорный труд не является причиной успеха – успех в большей степени результат везения и личных связей
- Если упорно трудиться, то в долговременной перспективе это, как правило, обрачивается улучшением жизни

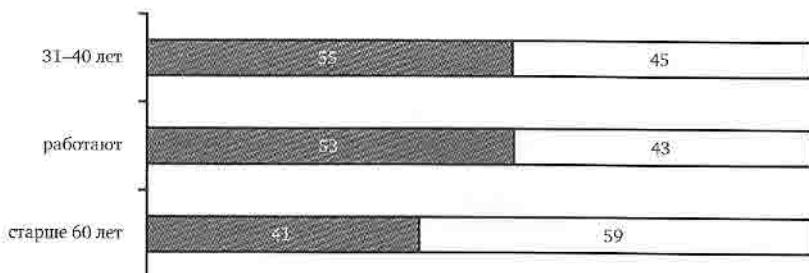

Рисунок 8. Оценки россиянами факторов, влияющих на их возможности с помощью собственных трудовых усилий улучшить свою жизнь (% от числа опрошенных)

Не удивительна в этих условиях и динамика приоритетов интересов макро- и микрообщностей в сознании россиян за последние 20 лет. Так, в 2000 году 87% респондентов говорили о том, что, принимая важные для себя решения, они руководствовались бы частными (своей семьи или личными) интересами, и лишь 13% декларировали, что исходили бы из интересов государства или своего производственного коллектива. Затем, под влиянием надежд на изменение ситуации со сменой власти в стране, картина несколько сдвинулась в сторону приоритетности интересов государства и коллектива. Однако в 2010 году подавляющее большинство россиян вновь поставили на первые строчки своих приоритетов интересы семьи (60%) или собственные интересы (20%), и лишь 20% продекларировали готовность руководствоваться в серьезных для них вопросах интересами государства (4%) или коллектива (16%).

При этом среди занятых в государственном и муниципальном управлении ни один (!) респондент не сказал, что он руководствовался бы в этом случае интересами государства и лишь 6% руководствовались бы интересами коллектива, а в так называемой бюджетной сфере эти показатели составили 1 и 14% соответственно. В промышленности и энергетике они составляли 4 и 15%, в сельском и лесном хозяйстве — 3 и 18%, в финансовой сфере — 4 и 18%. Это ли не наглядное подтверждение того, что существовавшая ранее нормативная модель, основанная на идеи «служения» государству/державе, потерпела уже полное фиаско? Постепенное размытие ее легитимности в нормативно-ценостной системе населения России лишь отражает уже совершившийся факт полного исчезновения соответствующих норм из сознания ключевой для успешной реализации этой модели группы — государственных служащих.

Таким образом, главным следствием фактического «ухода» государства в 1990-х годах не только из экономической, но и из социальной сферы, отражающим изменения, произошедшие в этот период в сознании работников самого государственного аппарата⁹, стало то, что характерная для российской культуры

⁹ То, что этот процесс имел повсеместный характер, продемонстрировал, в частности, опрос руководителей всех уровней, занимавшихся в конце 1990-х годов разработкой

нормативная модель взаимоотношений личности, общества и государства в итоге делегитимизировалась в глазах населения. В самом деле, зачем делегировать государству столько прав, если оно не выполняет своих базовых обязанностей? Да, учет в последнее десятилетие властью хотя бы на уровне деклараций ожиданий населения, в отличие от эпохи Б. Ельцина, способствовал временному расширению делегирования ей права действовать от лица и в интересах общества. Однако это право, во-первых, уже не столь бесспорно и сакрально, как раньше. Во-вторых, многие конкретные нормы, на которых строится характерная для России нормативная модель взаимоотношений человека, общества и государства, начали терять в последние 15 лет свою популярность или ослабевать. В-третьих, легитимизация в последние годы права государства защищать интересы общности даже в ущерб интересам и правам отдельного человека диктуется в ряде случаев уже утилитарными и pragmatisческими соображениями, утрачивая характер культурной нормы.

Все вышесказанное позволяет сделать три основных вывода.

Первый из них заключается в том, что процессы социокультурной модернизации в области норм и смыслов, определяющих отношение россиян к себе, обществу и государству, еще не завершены. Свидетельства тому — их специфическое отношение к природным ресурсам, четкое деление на «своих» и «чужих» с соответствующим ограничением допуска «чужих» к собственности на значимые условия существования сообщества. Свидетельством может служить и ряд специфических особенностей восприятия частной собственности и прав частного бизнеса — в частности, значимость их морально-этической легитимации и относительная незначимость юридически закрепленных прав собственности. Впрочем, все эти особенности характеризуют в период социокультурной трансформации любую страну, совершающую модернизационный переход.

Второй вывод, связанный со спецификой уже российской культуры, ее нормативно-ценостной составляющей, состоит в том, что легитимность всевластия государства и его особой роли в экономике свидетельствует о том, что эдакратизм с характерной для него сращенностью власти и собственности по-прежнему остается в России нормой для общественного сознания. Право государства на ограничение прав частных собственников вплоть до прямого изъятия их собственности, статус государства как основного собственника и субъекта экономического развития, патрон-клиентские отношения между ним и населением — лишь некоторые проявления этого.

Третий вывод в том, что, несмотря на сохранение доминирующего положения этих норм, в отношении базовых прав и свобод, затрагивающих интересы рядовых граждан, по итогам последних 15 лет можно зафиксировать интенсивную динамику, связанную с размытием легитимности всевластия государства в данной области. На протекании этого процесса сказываются несколько факторов.

Во-первых, как уже отмечалось выше, на него влияют действия самой власти, которая, в отличие от населения, долго не понимала, а часть ее представителей и сейчас не понимает, в какой «системе координат» и как именно ей надо действовать, чтобы сохранить свою легитимность.

Во-вторых, в поколениях, социализирующихся в новых условиях, все же несколько больше процент людей, отрицающих нормы традиционной для российской культуры модели взаимоотношений личности, общества и государства, включая априорную сращенность власти и собственности, чем среди тех, кому «за 50».

и реализацией государственной социальной политики, проведенный Т.Ю. Сидориной.
См.: Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств /
Под ред. О.И. Шкаратана. М., 2003.

В-третьих, начинает сказываться хотя и затормозившийся в последние два десятилетия, но успевший набрать некую критическую массу еще в советское время процесс концентрации населения в крупных городах и одновременного увеличения в составе их жителей доли лиц с высшим образованием.

Все это ведет к постепенному распространению ценностей, слабо совместимых с традиционной для России системой норм взаимоотношений личности, общества и государства, и формированию на этой основе новой нормативной системы.

Нормы и ценности

Ключевым в этих условиях становится вопрос о том, куда и как эволюция нормативно-ценостных систем в России пойдет дальше. Общий вектор эволюции нормативной составляющей этих систем отчасти был намечен выше. Однако нормы неразрывно связаны с ценностями¹⁰ людей, их стремлениями и установками, также претерпевающими в последние десятилетия серьезные изменения. С точки зрения ценностей, как и с точки зрения норм, национальная культура, обеспечивавшая длительное и устойчивое существование этаракратического и позднеэтаракратического социума, неизбежно должна была относиться к типу коллективистских. Притом, что сами россияне, как свидетельствуют их психологические особенности¹¹, включая упоминавшуюся роль для них свободы («воли») и понимание этой свободы в духе анархизма, в массе своей ярко выраженные индивидуалисты.

Именно поэтому в России исторически нужен был особенно жесткий «пресс» норм и ценностей, вырабатывавших способность к подчинению личных интересов коллективным. И, соответственно, неизбежно формировавших в первую очередь не ценности успеха и преуспеяния, а ценности хороших отношений, душевной гармонии и, особенно, чистой совести как свидетельства соблюдения данным индивидом в его собственных глазах интериоризированных норм культуры. Этот «пресс» веками сдерживал центробежный индивидуалистический порыв россиян, позволяя не только сохраниться определенному типу социума, но и обеспечить в нем приемлемые условия для совместного существования, не доводя его до «войны всех против всех», опасность которой особенно велика в условиях отсутствия эффективно действующей правовой системы. Сейчас этот «пресс» после разрушения в 1990-х годах многих существовавших в советское время механизмов ретрансляции норм культуры, а также возникновения объективного противоречия между этими нормами и критериями селекции, обеспечивающими восходящую мобильность в новых рыночных условиях, в значительной степени уже исчез. Естественно поэтому, что максимальный рост в последние годы продемонстрировали именно те ценности, которые связаны с индивидуальным успехом и самоутверждением в ущерб ценностям, присущим культурам коллективистского типа¹².

Более того, при этом пострадала и распространность ценностей, обычно относимых не к ценностям модерна, а к ценностям постмодерна, например воз-

10 Ценности, в отличие от норм, отражающих долженствование или «естественность», «нормальность» определенного положения, поведения и т.д., всегда эмоционально (хочу/не хочу, важно/не важно) окрашены.

11 Касьянова К. О русском национальном характере. М., 2003.

12 Об этом же говорят и другие исследования ценностей: Н. Лапина, В. Магуна и М. Руднева, Н. Латовой, Н. Лебедевой и А. Татарко, выполненные с использованием иных методик и на других массивах данных.

можность самореализации. Как видно из таблицы 1, ценности, связанные с душевной гармонией, хорошими отношениями с близкими людьми и самореализацией, заметно потеряли за последние 15 лет в популярности. И хотя интересная работа до сих пор входит в терминальные ценности большинства россиян, однако в условиях, когда, как было отмечено выше, упорный труд не рассматривается как причина успеха большинством работающих, а успех становится все более значим, такая самореализация вряд ли долго сохранится как значимая ценность для большинства населения. И вряд ли можно ожидать в таких условиях серьезного положительного эффекта от роста в российском обществе достижительных ценностей.

Таблица 1. Динамика выбора россиян в альтернативных парах ценностных суждений, 1995–2010 (% от числа опрошенных)

Альтернативные ценностные суждения	1995	2000	2010
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	93	94	80
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	7	6	20
В жизни главное — хорошие семейные и дружеские отношения	91	92	82
В жизни главное — общественное признание и успех	9	8	18
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	63	58	54
Главное в работе — это сколько за нее платят	37	42	46

Ряд полученных различными исследовательскими группами (в том числе и нашей) результатов позволяет высказать и еще одно предположение. А именно, что в России при переходе от традиционалистских систем ценностей к ценностям эпохи модерна решающую роль играют, видимо, утилитарные, прагматические мотивы роста индивидуального благополучия, повышения собственного статуса и самоутверждения даже ущерб окружающим. При этом население России в значительной части уже ушло от традиционалистской системы ценностей, но еще не пришло к характерным для общества модерна ценностным системам. Возможно, оно и вообще к ним не придет.

Насколько уникальна такая ситуация? Как показывают данные сравнительных общемировых исследований Р. Инглхарта, исследований ценностей по методике Шварца и других, ценностные системы россиян отнюдь не являются чем-то из ряда вон выходящим, хотя они достаточно своеобразны. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, который освещен в литературе значительно лучше, чем вопрос о нормативной составляющей мировоззрения россиян, приведу лишь данные о месте России на условной ментальной карте мира (рис. 9), построенной с использованием методики измерения культурных характеристик Г. Хоффстеда. Эта методика, уже около 50 лет успешно применяемая в десятках стран мира и впервые использованная в общероссийском масштабе в ходе уже не раз упоминавшегося выше исследования 2010 года, основана на расчете таких показателей как:

- толерантность к неравномерному, иерархизированному распределению в обществе власти («дистанция власти»);

- доминирование «мужских» (достижение, успех и т.п.) или «женских» (теплые личные отношения, взаимопомощь и т.п.) ценностей («маскулинность»);
- высокая значимость личных интересов («индивидуализм»);
- стремление к ясности и четкости правил, в соответствии с которыми организован внешний мир, сведению к минимуму «эффекта неопределенности» («избегание неопределенности»).

Рисунок 9. Место России на условной ментальной карте мира¹³

Как видим, на правой части рисунка четко сгруппировались страны с европейскими культурными корнями, включая Канаду и США. В левой части сгруппированы в основном страны неевропейских культур, в которых процессы социальной и социокультурной модернизации еще, как правило, не завершены. При этом Россия, как, впрочем, и многие другие страны, оказалась за рамками и условного «Запада», и условного «Востока», а ее ближайшим соседом стал Израиль. И хотя она тяготеет скорее к «Западу», чем к «Востоку», однако своеобразное, а в ряде случаев даже парадоксальное сочетание в ней различных культурных характеристик не позволяет рассматривать ее как периферию западной культуры.

Все вышесказанное дает основания утверждать, что Россия пока по-прежнему сохраняет специфичность характерной для нее системы ценностей и норм, и в этом отношении она в мире далеко не одинока. Однако она достаточно далеко продвинулась за последние полтора десятилетия по пути социокультурной модернизации. При этом часть норм и ценностей в ходе такой модернизации заменяется для россиян другими, зачастую альтернативными, а часть меняет свой смысл. Так, ценность свободы, например, остается, но смысловое наполнение ее становится постепенно иным. То же относится к пониманию института частной собственности.

¹³ Карта построена научным сотрудником ИС РАН Н.В. Патовой на основе методики многомерного шкалирования. Ею же выполнены расчеты и подготовка других графических иллюстраций по методике Г. Хоффстеда.

В то же время в России пока еще сохраняется закрепление в системе норм национальной культуры определенной модели развития социума, который можно охарактеризовать как *позднеэлакратический*. Наиболее характерными его особенностями выступают особая роль государства в жизни общества и в экономике, сращенность власти и собственности. Соответственно, «ядерным» и наиболее устойчивым элементом системы неформальных норм, обуславливающих невосприимчивость этого социума к «имплантированию» в него многих институтов, характерных для развитых стран, выступает та часть этих норм, которая относится к экономической сфере. Прежде всего, к пониманию места государства в экономике, отношению к собственности на природные ресурсы и представлениям о сути собственности, связанным с историческими особенностями развития России.

Само по себе признание рыночных начал в экономике вполне совместимо с этой системой норм и не ведет к ускорению социокультурной модернизации. И хотя темпы изменений в нормативно-ценостных системах россиян довольно высоки, они могут оказаться недостаточными для занятия нашей страной стратегически удачного места на мировой арене, даже если отвлечься от проблемы неэффективности и коррумпированности российских элит, — этого не позволит слабая восприимчивость населения к той институциональной матрице, которая обеспечивает наиболее эффективное экономическое развитие. А это, в свою очередь, будет означать не только консервацию нынешней экономической модели развития страны, но и отсутствие предпосылок для ускоренного завершения социальной и социокультурной модернизации, без которых невозможно радикально изменить ее место на мировой арене.

Однако при оценке вероятности этого сценария развития нельзя сбрасывать со счетов два обстоятельства.

Во-первых, в последние десятилетия Россия начала активно включаться во все ускоряющиеся процессы глобализации, а появление Интернета придало этим процессам новый импульс. Это кардинально поменяло условия эволюции менее развитых в экономическом отношении стран мира и поставило крест на анклавных моделях развития, которые до последнего времени реализовывала и Россия. Процессы модернизации — в том числе и социокультурной модернизации в них — стали накладываться на процессы, «запущенные» переходом к постиндустриальному этапу развития глобальной, мировой экономики. В этих условиях в рамках одной страны уже невозможно сохранять даже относительную гомогенность культуры, и, соответственно, в фокус внимания попадает вопрос о соотношении в рамках каждой национальной культуры носителей разных типов нормативно-ценостных систем. Превращение же субкультур меньшинства в культуру большинства может придать серьезный импульс ускорению экономического роста в той или иной стране и утверждению в ней демократических норм.

Во-вторых, нельзя забывать о том, что разные социальные группы играют различную роль в определении вектора развития любой страны. А как было показано выше, в последние годы фиксируется все большая гетерогенность российского социума с точки зрения специфических для него нормативно-ценостных систем. Фактически по всем вопросам, связанным с представлениями россиян о нормах и ценностях, в нем нет единства, а доля «нормативно-ценостных меньшинств» в составе населения страны имеет тенденцию к росту. Вот почему в условиях нарастания гетерогенности представлений россиян о «должном» неизбежно встают вопросы о сути тех различающихся, а во многом и альтернативных, моделей мировоззрения, которые основаны на разных нормативно-ценостных системах и характеризуют разные группы российского населения.

Мировоззренческие модели

В литературе существует несколько традиций выделения и изучения таких групп. Так, например, Н. Лапин и Л. Беляева уже около 20 лет осуществляют мониторинг ценностей россиян на базе проходящих раз в несколько лет общероссийских опросов. Они рассматривают меняющуюся и усложняющуюся картину ценностей российского населения через призму сочетания в его нормативно-ценостной системе интегрирующих, дифференцирующих и конфликтогенных ценностей, методику измерения которых они разработали самостоятельно. Этой исследовательской группой получены очень интересные результаты — в частности, сделан вывод о растущей значимости утилитарных, прагматических мотивов в эволюции ценностных систем населения нашей страны.

Группа Н. Лебедевой и А. Татарко уже много лет работает с массивами данных, в которых используется разработанный Ш. Шварцем инструментарий измерения ценностей, эмоционально значимых лично для индивида и проявляющихся, прежде всего, в системе межличностных отношений. В последнее время, впрочем, они начали работать и с материалами «Всемирного исследования ценностей» (WVS), используя методику Р. Инглхарта, а также комбинируя данные, полученные с использованием обеих упомянутых методик. Полученные результаты позволили им утверждать, что за ростом индивидуалистических ценностей, по сути, стоит рост ценностей выживания, а не самоутверждения. В обеих этих группах, хотя акцент делается на получении общей по России картины, рассматривается и специфика мировоззрения отдельных социальных групп.

Группа В. Магуна и М. Руднева работает на массивах данных международного опроса «Европейское социальное исследование» (ESS), используя при этом как оригинальную методику Ш. Шварца, так и собственные методики обработки данных. Ключевое в их результатах — анализ внутренней неоднородности ценностных систем россиян, показавший, что главным, что зависит в ценностных системах населения именно от межстранных различий культуры, а не от социально-демографической структуры населения разных стран, выступает отношение к двум альтернативным блокам ценностей. В рамках данной методики эти блоки идентифицируются как блок «Самоутверждение», отражающий ориентацию на успех и благополучие, и блок «Выход за пределы собственного Я», включающий ценности толерантности, сохранения природы, благополучия других людей и т.п. Проведенная представителями этой исследовательской группы работа показала, что в России достаточно высокая по отношению к другим странам доля нетипичных для страны в целом ценностей, и ни один из выделенных ими кластеров не составляет большинства населения¹⁴.

Однако минус методики Шварца, при массе ее несомненных плюсов, в том, что она ориентирована на измерение лишь значимых для индивида в процессе межличностных отношений установок, и не затрагивает норм макромира, которые считаются автоматически следующими из ценностей микромира. Частично этот недостаток пыталась преодолеть группа, работающая под руководством автора данного доклада и М. Горшкова. Эмпирической базой ее деятельности выступают общероссийские опросы, а методологической — нормативистский подход, учитывающий специфику ценностей и норм, традиционно описываемых

¹⁴ Два наиболее характерных для стран Западной Европы кластера в России насчитывают в общей сложности лишь 19% населения (в Швейцарии этот показатель 66%, Швеции — 63%). При этом самым массовым в России является кластер, характеризующийся очень высокими показателями ценностей самоутверждения при средних показателях открытости изменениям. В странах Западной Европы его доля не превышает 30%.

в литературе как характерных для *modern man*. Этой группой были разработаны такие идеальные конструкты, как «классический традиционалист» и «классический модернист» (по аналогии, например, с «идеальным газом»), ключевые признаки которых были операционализированы и затем на основе их комбинаций были построены многомерные индексы, позволяющие выделять носителей определенного типа сознания. Значимость результатов, полученных в рамках данного направления исследований, связана не только с тем, что был сформулирован ряд выводов о динамике численности и зоне локализации «модернистов» и «традиционистов» в тех или иных социальных группах. Важно и то, что особый акцент при этом делается на нормы, отражающие механизм регуляции взаимоотношений личности, общества и государства, чем никто другой из исследователей, углубленно работающих с этой проблематикой в России, систематически не занимается.

Однако постулат о применимости для России концепций, отождествляющей прогрессивное развитие с движением от домодерна к классическому (т.е., по сути, западному) модерну, сам по себе не очевиден. Поэтому автором данного доклада была предпринята попытка выделить сначала объективно существующие в России типы нормативно-ценостных систем, и лишь затем обратиться к анализу их носителей. При этом особый акцент делался в первую очередь именно на взглядах россиян, касающихся принципов взаимоотношений в системе «личность — общество — государство».

Для реализации этой более чем непростой задачи сначала из общего массива данных были выделены 65 переменных, характеризующих различные аспекты представлений населения о должном, желаемом или эмоционально значимом во взаимоотношениях личности, общества и государства. Вопросы, связанные с нормативно-ценостными аспектами взаимодействий в семейных, соседских, родственных, дружеских, производственных отношениях при этом не рассматривались. Затем эти 65 переменных были запущены на кластеризацию для выделения относительно гомогенных по своему составу групп респондентов, что позволило «отбраковать» ряд переменных, не значимых для деления на кластеры¹⁵. Факторный анализ, примененный к оставшимся 40 переменным, выделил 12 факторов¹⁶, которые, комбинируясь в разных вариациях, формируют многообразие реальных представлений россиян.

Часть этих мировоззренческих блоков интерпретировалась достаточно легко. С учетом содержательного наполнения, они были названы мной «Модернистские установки», «Толерантность к „не-мы“», «Уверенность в возможности себя обеспечить», «Постмодернистские установки», «Индивидуалистические установки», «Либеральные установки», «Нормы этакратических обществ», «Гражданская пассивность по убеждению», «Постсоциалистические установки». Другая часть

15 Допустимое по методу иерархического кластерного анализа число кластеров оказалось 4–8. Далее расстояние между центрами кластеров уменьшалось незначительно, а их число возрастало в разы. Анализ дендрограммы по иерархическому кластерному анализу показал, что на основе визуализации результатов кластерного анализа по заданным переменным оптимально выделение 4–7 кластеров. Содержательный анализ с использованием таблиц сопряженности показал, что наиболее значимые для реальной дифференциации кластеров переменные заканчиваются на первенственных, значимых для дифференциации на 7. В результате для последующего анализа были отобраны 40 переменных, оказавшихся значимыми для кластеризации на 7 кластеров. Эти переменные были одновременно значимы для деления по типам нормативно-ценостных систем (необходимое условие) и обеспечивали наиболее полное представительство реально дифференцирующих россиян нюансов взглядов (достаточное условие).

16 Использованная модель факторного анализа объяснила 50,761% дисперсии.

потребовала большой дополнительной работы для их более точной интерпретации. В числе блоков, потребовавших такой работы, были три, получившие в итоге названия: «Правовые основы взаимоотношений в системе „личность — общество — государство“», «Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции» и «Российская модель демократии».

Чтобы было яснее, что стоит, например, за совокупностью переменных, объединившихся в фактор «Российская модель демократии», опишу, отталкиваясь от них, внутреннюю логику, которой руководствуются сторонники данной модели. Согласно этой логике, интересы и взгляды у людей очень разные, а значит заведомо невозможно сделать так, чтобы все были довольны. В таких условиях государство должно принять на себя миссию согласования интересов и действий в интересах большинства, а политическая оппозиция должна помогать государству в решении этой сложной задачи. Учитывая специфику данной модели и ее отличие от западных моделей взаимоотношений государства и его граждан, понятно, что характерные для этих моделей индивидуализм, либерализм и западная демократия для России не годятся; для нее важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Учитывая же, как сложно организовать эффективную работу такой модели взаимоотношений государства и его граждан, все и всегда должны соблюдать букву закона, иначе наступит общий хаос. Лучше всего, принимая во внимание характерную для сторонников этих взглядов убежденность в том, что демократия в России должна все-таки быть, хотя и в заметно отличающейся от ее классических канонов форме, этот мировоззренческий блок, на наш взгляд, как раз и отражает название «Российская модель демократии».

Фактор, названный мной «Правовые основы взаимоотношений в системе „личность — общество — государство“», включал в первую очередь согласие респондента со следующими суждениями: «Не так важно, соответствует что-либо закону или нет — главное, чтобы это было справедливо»; «каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения»; «законы, конечно, надо соблюдать, даже если они устарели, но только если это делают и сами представители органов власти»; «правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства»; «каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций»; «государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности»; «если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить»; «всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям».

Конечно, эти нормы — отнюдь не нормы общества классического модерна, для которого не характерно ни пренебрежение законом во имя справедливости, ни допущение давления на правосудие или прессу со стороны правительства, ни убеждение в том, что государство призвано отстаивать интересы народа, а не права человека. Эти нормы являются своего рода «родимыми пятнами» нормативной системы этакратических обществ. Однако они соседствуют внутри данного блока взглядов с убеждением в необходимости равенства перед законом представителей власти и рядовых граждан, признанием за каждым человеком права отстаивать свое мнение в противовес большинству и права отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций. Иначе говоря, соседствуют с тем, что в классическую модель нормативной системы этакратических обществ не вписываются.

Вошедший в этот фактор набор норм свидетельствует не только о разложении характерных для позднеэтакратических обществ нормативных систем, отражающих существующие на микроуровне представления об основах «общественного договора» между рядовыми гражданами и властью. Он свидетельствует и о разной степени прочности, укорененности в общественном сознании тех или иных норм, представляя одновременно наиболее типичные для данного общества нормы. Их внутренняя неоднозначность — свидетельство переходного характера этой системы взглядов. Они уже не свидетельствуют о легитимности и почти сакральности власти государства, имеющего права требовать бесспорной жертвенности со стороны своих граждан (подданных), и фиксируют постепенный переход к консенсусной модели взаимоотношений с ним. Но они все еще сохраняют за государством — при условии и в рамках соблюдения этого консенсуса, т.е. своего рода негласного «общественного договора» — право действовать вне правового поля во имя «общих интересов». Исходя из этих соображений, я очень условно и не вполне удачно и назвала данный фактор «Правовые основы взаимоотношений в системе „личность — общество — государство“».

Наконец, фактор «Позитивное отношение к жизни в условиях плурализма, риска и конкуренции» включает в первую очередь положительное отношение респондента к таким понятиям, как модернизация, глобализация, различия, индивидуализм, демократия, риск, конкуренция и Евросоюз. А также уверенность в том, что успех в жизни — результат упорного труда, а не просто везения и связей.

В целом по результатам анализа выделенных факторов («мировоззренческих блоков») просматривается следующая картина. *Индивидуалистические установки* оказываются связаны сегодня в России не столько с формированием установок модернистских, сколько с отрицанием норм этакратических обществ. Распространение индивидуализма, видимо, — первый шаг к преодолению этих норм. *Модернистские установки* связаны с блоком «Правовые основы взаимоотношений личности, общества и государства», и они такие, какими я их только что описала, т.е. не освободившиеся полностью от традиционалистских представлений. Вероятно, эти типичные для России представления разлагаются только под влиянием определенных, характерных именно для сознания модерна поведенческих установок (нонконформизм, ориентация на перемены, инициативность, готовность к борьбе за свои интересы, толерантность к конкуренции). А *постмодернистские установки* связаны в России с отрицанием либеральных установок, которые, судя по полученным результатам, ассоциируются прежде всего с идеей о необходимости минимизации социальной роли государства.

Таким образом, анализ факторного распределения применительно к ключевым компонентам норм, ценностей и установок, которые составляют своего рода «каркас» мировоззрения россиян, позволил не только понять внутреннюю взаимосвязь многих из них. Он позволил и интерпретировать смыслы, которые стоят за соответствующими взглядами в российской культуре и достаточно сильно отличаются от приверженности на первый взгляд тем же нормам в культуре западноевропейской.

Подводя же не только методологические, но и содержательные итоги анализа основных факторов (блоков), из которых складывается сознание россиян, отметим следующее. Такие факторы, как «правовые основы взаимоотношений в системе „личность—общество—государство“» и «российская модель демократии» очень ярко отражают переходность, промежуточность нынешнего этапа эволюции нормативно-ценостных систем россиян в движении по пути от нормативно-ценостных систем этакратической разновидности обществ традиционного типа к обществам

модерна. Однако не менее, а может быть, и более важно то, что одновременно они демонстрируют специфику этих систем в России. Поскольку соотношение входящих в них компонентов мировоззрения у россиян в целом достаточно устойчиво (по крайней мере, на протяжении последних 15 лет), ожидать быстрых сдвигов в этой области нет никаких видимых оснований. Притом что некоторая динамика в ней, как я постаралась показать в первой части доклада, все же прослеживается.

Характер объединения этих блоков с другими факторами (блоками) свидетельствует о том, что «правовые основы взаимоотношений в системе „личность — общество — государство“» прямо связаны со все более широким принятием многих ценностей модерна на микроуровне. Следовательно, этот блок будет и дальше развиваться относительно динамично по мере распространения соответствующих ценностей и установок. Что касается блока «российская модель демократии», то он существует в сознании населения достаточно изолированно и, видимо, будет характеризоваться в силу этого относительно большей устойчивостью.

Типы нормативно-ценостных систем в российском обществе (количественные и качественные характеристики)

Лучше понять ситуацию с гетерогенностью нормативно-ценостных систем россиян позволяет анализ того многообразия комбинаций, подчас весьма причудливых, которые входящие в эти блоки элементы составляют в сознании отдельных людей, а также степени распространенности этих комбинаций в обществе. Конечно, «сколько людей — столько и мнений», и в этом смысле каждый человек уникален. Тем не менее можно попытаться выделить некоторые достаточно широко распространенные кластеры сочетаний, позволяющие получить интересующую нас картину гетерогенности нормативно-ценостных систем россиян и ее специфики по отношению к неким классическим представлениям о переходе от сознания домодерновых обществ к нормативно-ценостным системам обществ модерна. В качестве метода анализа этих комбинаций нами был избран кластерный анализ¹⁷. По его результатам были выделены 7 кластеров, некоторые особенности взглядов которых по конкретным переменным, вошедшим в анализ, приведены в Приложении к докладу.

Если попытаться выстроить кластеры по мере движения от сознания традиционистского типа к сознанию модерна, и подобрать с учетом их характерных особенностей названия для каждого из полученных кластеров, то мы увидим следующую линейку:

- последовательные традиционисты;
- традиционисты-этакраты;

¹⁷ Анализ носил многоступенчатый характер. Сначала был использован иерархический кластерный анализ. При кластеризации респондентов по 12 описанным выше факторам, судя по показателям Coefficients in Agglomeration Schedule, возможное число кластеров составляло 6–9. Затем были построены соответствующие кластеры. Статистический анализ выделенных кластеров показал, что есть устойчивые «ядра», которые в нашей выборке составляли 5,7%, 5,1%, 3,9%, 3,8%, 3,1%, 2,2% и 1,8% от всех респондентов, остальные группы составляли в выборке 1,5% и менее. Эти «ядра» целиком «перекочевывали» при различных моделях кластеризации в те или иные кластеры. Поэтому за основу дальнейшего анализа нами была избрана модель с 7 кластерами, хотя, строго говоря, на большем массиве данных (например, с выборкой в 10 тысяч респондентов) более полной может оказаться модель с большим количеством кластеров. Однако и в этом случае подавляющее большинство кластеров, которые анализируются в нашей модели, сохранится. Это связано с тем, что доля в их составе выделенных «ядер» для большинства из них достаточно велика и находится в диапазоне 28–35% от всех членов кластера. И лишь для двух кластеров эта доля составила 12 и 17% соответственно, что означает для них заметно более низкую степень устойчивости характеристик кластера в целом.

- разочаровавшиеся традиционалисты;
- немодернисты;
- протомодернисты;
- российские постмодернисты¹⁸;
- российские модернисты.

Использование в двух последних случаях прилагательного «российские» призвано подчеркнуть специфику этих групп, оттенив тот факт, что сознание их представителей во многих отношениях довольно далеко и от классического модерна, и от классического постмодерна.

Если учесть как особенности кластеров в целом, так и их ядер¹⁹, то портреты этих кластеров будут выглядеть следующим образом. Речь пойдет только о наиболее характерных их особенностях; более детальная картина представлена в Приложении к докладу.

Традиционалистски ориентированные кластеры

Последовательные традиционалисты. Характерной особенностью этого кластера на фоне остальных выступает убеждение в том, что в экономике плановые начала должны доминировать над рыночными (82% сторонников этой точки зрения), что конкуренция вредна, что все перемены ведут к худшему и нужно приспосабливаться к реальности, а не бороться за свои права. Здесь преобладают негативное отношение к демократии, различиям, риску, последовательная приверженность уравнительности и т.п. Среди «последовательных традиционалистов» наибольшая (82%) доля тех, кто считает уважение к традициям и следование привычному ходу вещей важнее инициативы и поиска нового. И среди них же максимальное (78%) согласие с суждением, что западный путь развития России не подходит.

Традиционалисты-этакраты. Этот кластер во многом близок к «последовательным традиционалистам». Подобно им, представители данного кластера — убежденные сторонники доминирования в России плановых, а не рыночных начал (97% ядра и 73% кластера в целом). И они в массе своей тоже хотели бы жить в обществе социального равенства, а не индивидуальной свободы (96% ядра и 78% кластера в целом). Характерно для них и преобладающее согласие с тем, что западный путь развития России не подходит (75%) и что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности (71%).

При этом к демократическим нормам жизни и кластер в целом, и в еще большей степени представители его ядра настроены скептическое, чем «последовательные традиционалисты». Поэтому я и сочла уместным по отношению к ним слова «этакраты». Среди них меньше процент тех, кто считает необходимой оппозицию, и существенно меньше согласных с тем, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои интересы при помощи демонстраций и забастовок.

¹⁸ Нормы постмодерна соседствуют в данном кластере с нормами позднеэтакратического общества, что не позволяет рассматривать этот кластер как следующую за сознанием модерна ступень и заставляет оценивать его скорее как одну из специфически российских форм сознания модерна.

¹⁹ По большинству позиций, отражающих специфику того или иного кластера по отношению к остальным, число сторонников соответствующих взглядов в ядрах кластеров оказалось заметно больше, чем в этих же кластерах в целом. Это означает, что ядра кластеров действительно выполняют в них эту роль, и что именно эти возврзения являются для соответствующего кластера своего рода «несущим каркасом» мировоззрения его членов.

А готовность признать за государством право ограничивать свободу прессы здесь, наоборот, наибольшая, причем в ядре кластера она еще больше, чем в кластере в целом. Вместе с тем его представителей характеризует более позитивное, чем у «последовательных традиционалистов», отношение к конкуренции, переменам и модернизации, а также очень противоречивое и неоднозначное отношение к закону. Именно здесь мы обнаруживаем максимальное (86%) согласие с мнением, что хорошие руководители для России важнее, чем хорошие законы.

Разочаровавшиеся традиционалисты. Этот кластер, как и предыдущий, также демонстрирует сложность и неоднозначность протекания процессов разложения ранее характерной для России модели сознания. Однако в нем это разложение начинается как бы «с другого конца» — не с развития на микроуровне толерантности к конкуренции и модернизации с одновременным сохранением лояльности к нормам, на которых строится этакратическая модель развития, а с разрушения в первую очередь именно этих норм. При этом, вследствие разочарования в традиционной модели взаимоотношений общества, личности и государства, разложение этих норм происходит у членов данного кластера без одновременного формирования альтернативных им представлений, характерных для обществ модерна, что ведет к развитию в нем массовой аномии. Именно в этом кластере обнаруживаем мы наибольшую (62% респондентов) склонность полагать, что успех — результат везения и связей, а не упорного труда. Притом, что в подавляющем большинстве других вопросов его представители чаще всего оказываются просто не способными определить свою позицию, выбрав из предлагавшихся им вариантов ответов (как правило, альтернативных) тот, с которым они были бы согласны.

Тем не менее по ряду позиций «разочаровавшиеся традиционалисты» демонстрируют особенности, характерные для сознания традиционалистского типа — от ориентации на воспроизведение привычных образцов (71% их представителей придерживаются мнения, что уважение к традициям и следование привычному важнее инициативности и поиска нового) до тяготения к плановой модели хозяйствования (72% сторонников). Отличия во взглядах ядра кластера от взглядов кластера в целом еще ярче показывают, что это традиционалистский по своей природе кластер.

Промежуточные кластеры

Немодернисты. Этот кластер находится как бы «на перепутье» — нельзя сказать, что он настроен безусловно традиционалистски, но нет достаточных оснований говорить и о доминировании в нем модернистских ориентаций. В целом для «немодернистов» характерно пребывание в начальной стадии разложения традиционалистской модели сознания в вопросах поведения личности и одновременно довольно далеко зашедшее размытие норм этакратической модели развития общества. Однако на место этих норм приходит не аномия, как в кластере «разочаровавшихся традиционалистов», а достаточно четкая альтернативная система ценностей, предлагающих право человека заявить о себе и своих проблемах, хотя и не в тех формах, как в западных моделях демократии.

С одной стороны, 77% «немодернистов» (больше, чем в любом другом кластере) убеждены в том, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности, а 62% (здесь они тоже лидеры) законности предпочитают справедливость. Но, с другой стороны, в кластере и наибольшая (71%) доля тех, кто считает, что каждый гражданин в любой ситуации

вправе отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций. В нем и одна из самых больших (88%) доля считающих, что каждый человек должен иметь право защищать свое мнение, даже если большинство придерживается иного мнения. К этому стоит добавить, что почти 60% кластера и еще большая доля его ядра не готовы признать безусловное право правительства влиять на правосудие, а также ограничивать свободу прессы, даже если того требуют интересы государства.

Все это на первый взгляд органично соотносится в кластере с толерантностью к западной демократии. Но только в том случае, если речь идет об этой демократии «вообще». Когда же дело касается конкретики, то мы обнаруживаем здесь отрижение необходимости политической оппозиции: с тем, что настоящая демократия без нее невозможна, согласны всего 22% входящих в кластер респондентов, что намного меньше, чем даже в традиционалистских кластерах. Если учесть также, что в этом кластере 72% его представителей руководствуются конформистской установкой не выделяться и «жить, как все», что свыше их половины предпочитают плановую экономику рыночной и убеждены, что все перемены только к худшему, то станет понятно, почему у меня не было оснований причислять данный кластер не только к традиционалистскому, но и к модернистскому типу.

Протомодернисты. К числу наиболее ярких особенностей этого кластера относится, прежде всего, последовательная прагматическая ориентация. Она проявляется в том, что материальному благополучию отдается предпочтение перед свободой, зарплате — перед «интересностью» работы, а также в убеждении, что чего-то добиться можно, только действуя сообща. Характерны для «протомодернистов» также негативное отношение к индивидуализму (82%, что больше, чем в любом другом кластере) и убеждение, что следование традициям важнее инициативности и поиска нового (69%, что тоже является одним из самых высоких показателей). Заметной особенностью кластера выступает и отсутствие в нем толерантности к «не-мы» — возможно, в силу очень ярко выраженной уверенности, что согласовать интересы разных групп общества невозможно.

Однако, в отличие от всех рассмотренных выше кластеров, «протомодернисты» в значительно большей степени являются сторонниками общества равных возможностей, а не равенства доходов и в значительно меньшей степени согласны с признанием права государства влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Кроме того, среди «протомодернистов» 85% (больше, чем в любом другом кластере) сознающих, что демократия немыслима без политической оппозиции, и всего 19% (намного меньше, чем в других кластерах, включая модернистские) считающих, что функция оппозиции заключается в помощи правительству. Замечу также, что ядро этого кластера еще толерантнее относится к неравенству и что в нем отчетливее выражено убеждение, что успех — результат упорного труда, а не простого везения. Все это позволяет отнести «протомодернистов» к промежуточным кластерам, характеризующимся весьма противоречивым сознанием. Но модернистская тенденция выступает здесь более рельефно, чем у «немодернистов».

Модернистски ориентированные кластеры

Российские постмодернисты. Это самый большой по численности (20% всех россиян) и очень своеобразный кластер, имеющий достаточно яркие отличия от всех вышеописанных кластеров, с одной стороны, и от «российских модернистов» — с другой. К числу наиболее характерных особенностей его представителей

относятся: отчетливо выраженный нонконформизм, выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства, убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, вторичность материального благополучия как ценности — свобода здесь ценится выше такого благополучия, а «интересность» работы — выше размера заработной платы. При этом доля тех, кто склоняется к конформистскому «жить, как все» (14%), кто традициям отдает предпочтение перед инициативностью и поиском нового (23%), материальному благополучию перед свободой (19%) и высокой зарплате перед интересностью работы (23%), здесь наименьшая.

Для «российских постмодернистов» характерны также последовательная ориентация на собственные силы и убежденность в том, что в защите своих интересов надо ориентироваться на индивидуальные, а не на коллективные действия. Им свойственны уверенность в том, что их материальное положение зависит от них самих, а не от ситуации в стране, позитивное восприятие перемен, модернизации, индивидуализма, демократии. Они не согласны с суждением, что западный путь развития России не подходит, и согласны с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если оно не совпадает с мнением большинства. По всем эти позициям ядро данного кластера демонстрирует еще более высокие показатели, чем кластер в целом.

Качественные отличия ядра от кластера в целом просматриваются лишь по нескольким позициям. Но они демонстрируют, что мы имеем дело в данном случае скорее с весьма специфической формой сознания модерна, чем с какой-либо промежуточной, транзитивной формой сознания. Ядро в меньшей степени настроено на признание роли государства как гаранта прав общности, а не прав человека, и в меньшей степени готово делегировать ему право прямого влияния на правосудие и ограничивать свободу прессы. Кроме того, входящие в это ядро в большей степени уверены в своих силах, в частности в том, что они проживут и без помощи государства.

Таким образом, это прорыночно и проиндивидуалистически настроенный кластер, с отчетливым тяготением (во многом, видимо, стихийным) к идеи прав человека и отрицанием всевластия государства. Входящие в него люди — последовательные нонконформисты, которые характеризуются низкой значимостью для них материалистических ценностей при приоритете ценностей свободы и самореализации. В то же время при бесспорном признании ценности демократии как таковой им свойственны типичные для России представления о том, как должна выглядеть эта демократия, довольно далекие от классических западных представлений о ней. Так, будучи в большинстве своем (60%) согласны с тем, что демократия без политической оппозиции невозможна, они солидаризируются с мнением, что роль оппозиции заключается в помощи правительству. Таких среди них 69% — столько же, сколько среди «последовательных традиционалистов», и не намного меньше, чем среди «традиционистов-этакратов».

Российские модернисты. Этот кластер во многом похож на «российских постмодернистов». К числу их общих особенностей относятся ярко выраженный нонконформизм, прорыночные ориентации, выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства, убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям. Тем не менее в ориентации на рынок и индивидуальную свободу «модернисты» безусловные лидеры.

Роднит эти два кластера и последовательная ориентация на собственные силы, уверенность в том, что нужно бороться за свои права, а не приспосабливаться

к реальности, позитивное восприятие перемен, модернизации, индивидуализма, демократии. Роднит их также согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение, даже если оно не совпадает с позицией большинства, неготовность делегировать правительству право влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Любопытно, что, как и в предыдущем кластере, в вопросе о том, как должны происходить перемены — «сверху» или «снизу» — при переходе к ядру происходит качественный скачок, и большинство начинает отводить приоритетную роль активности «снизу». Так же, как и среди «российских постмодернистов», здесь при переходе к ядру падает толерантность к «немым», что приводит в ядрах обоих этих кластеров даже к доминированию негативного отношения к Западу. И хотя для кластера «российских модернистов» в целом такое отношение не характерно, хотя именно в их сознании в наибольшей степени распространены взгляды, соответствующие западной модели развития, это не позволяет однозначно характеризовать «российских модернистов» как сторонников данной модели.

В том, что и в данном случае речь идет об особой, «незападной» разновидности сознания модерна, убеждает и еще одно обстоятельство. С одной стороны, это единственный кластер, где доминирует представление (70% в кластере и 84% в ядре), что природные богатства могут принадлежать кому-то, кроме народа или государства (в остальных кластерах доля сторонников этой точки зрения колебалась в диапазоне 2–18% по ядрам кластеров и 3–14% по кластерам в целом). С другой стороны, только 18% в данном кластере считают, что природные богатства должны принадлежать тем, кто стал их официальным собственником в последние годы. Основная же масса «российских модернистов» убеждена в том, что речь должна идти в данном случае о территориальных сообществах или производственных коллективах. Из других особенностей кластера стоит упомянуть о том, что для него гораздо больше, чем для «российских постмодернистов», характерна ориентация на материальное благополучие. Притом, что его материальное положение объективно лучше, а уверенность в возможности прожить без помощи государства распространена больше, чем в любом другом кластере: только 33% «модернистов» (при 58% среди «постмодернистов») считают, что без такой помощи им не обойтись.

Таким образом, и в плане формирования характерных для сознания модерна на микроуровне норм, ценностей и установок (нонконформизм, индивидуализм, внутренний локус-контроль, ориентация на конкурентную рыночную экономику и т.д.), и, особенно, в плане разложения норм, характерных для позднеэлитацких обществ, этот кластер продвинулся дальше других. Однако это не привело ни к признанию в нем западной модели развития как эталонной, ни к однозначному принятию ряда конкретных особенностей западных обществ. Показательно опять-таки, что и здесь большинство (60%) разделяет убеждение в том, что роль оппозиции заключается в помощи правительству.

Если говорить о распространенности представителей различных кластеров в российском обществе, то она будет выглядеть следующим образом (рис. 10).

Как видим, сегодня в России нет четкого доминирования каких-либо взглядов. Скорее российское общество представляет собой в данном отношении пеструю мозаику. Однако главный вывод из проведенного анализа заключается все же не в этом. Главный вывод заключается в том, что при фактическом наличии сегодня в нашем обществе по крайней мере двух разновидностей сознания модерна, обе они не ориентированы на то, что Россия должна идти западным путем. Многие ключевые и характерные для них нормы, ценности и установки

принципиально отличаются от ассоциируемых обычно с западной культурой. И в этом плане можно говорить о формировании в России «альтернативного модерна», причем существующего в различных формах.

Рисунок 10. Доли сторонников различных типов нормативно-ценостных систем в российском обществе (%)

Конечно, это не значит, что в России вообще нет сторонников «западных ценностей» в их классической комбинации. Но их так мало, что в стандартных общероссийских социологических исследованиях они составляют статистически незначимую величину и не могут стать объектом дальнейшего анализа. Видимо, поэтому наша «правая оппозиция» никак не может найти свой избирателей, оставаясь на уровне, не превышающем 3% поддержки. Она видит его совсем не таким, каков он на самом деле, и апеллирует не к тем ценностям, о которых он хочет услышать.

Однако насколько можно доверять этим выводам с учетом их новизны? Чтобы проверить это, я рассмотрела особенности ценностей выделенных кластеров с помощью такого проверенного инструмента, как методика Г. Хофстеда. При всем том, что последняя рассчитана на анализ ценностей, определяющих поведение в системах производственных отношений, существующих в разных типах обществ, а не нормативно-ценостных систем, определяющих взаимоотношения в системе «личность — общество — государство», такое сравнение дает возможность дополнительной проверки полученных выводов. Кроме того, оно позволяет получить новую информацию о векторе культурной динамики россиян (рис. 11).

Как видно на рисунке, и при использовании хофстедовой методики обнаруживаются две альтернативные версии российского модерна. Они очень близки по значимости для членов соответствующих кластеров личных интересов, готовности жить в условиях не жестко запрограммированной среды и важности для них успеха при относительно низкой на фоне россиян из других кластеров готовности к сотрудничеству. Однако по отношению к дистанции власти они различаются довольно сильно. В то же время драматизировать эту ситуацию явно не стоит: даже у «традиционистов-этакратов», имеющих максимальный балл по данной шкале, толерантность к неравномерности распределения и иерархизиро-

ваниности власти чуть ниже, чем в Великобритании, Германии и США, и вдвое ниже, чем в Турции или Бразилии. Если же говорить о «российских модернистах», то их показатели толерантности к неравномерности распределения власти в обществе находятся между показателями Израиля и Дании. Так что все россияне по этому показателю вполне вписываются в ареал западной культуры. Их отличия от представителей стран этой культуры связаны отнюдь не с их «недемократичностью» на микроуровне. Они связаны с высокими по отношению к странам данной культуры показателями значимости личных интересов, низкими (даже у «российских модернистов») показателями ориентации на успех и очень высокими запросами в отношении четкости правил.

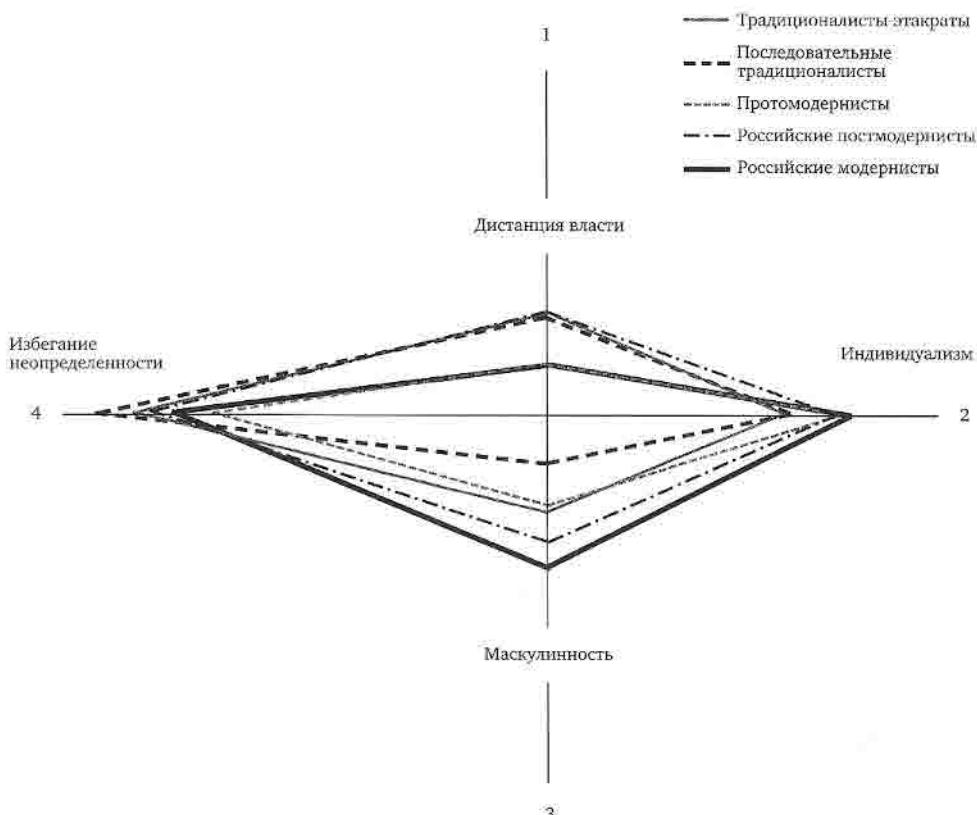

Рисунок 11. «Профиль» различных кластеров²⁰ в хофстедовой системе координат

На рисунке видно и то, в какую сторону происходит сдвиг ценностей в российском обществе. Фактически речь идет о сильном смещении в сторону ценностей успеха в ущерб ценностям сотрудничества²¹. Речь идет и об умеренном

20 Кластеры «разочаровавшихся традиционалистов» и «немодернистов» занимают по всем осмям хофстедовских координат промежуточное положение в ряду других кластеров, что, впрочем, в соответствии с их общей спецификой не удивительно. Поэтому для удобства визуализации на рисунке 11 представлены профили только пяти кластеров.

21 Однако при этом на общемировом фоне ситуация в России все еще характеризуется скорее готовностью к сотрудничеству, чем ориентацией на успех в ущерб сотрудничеству, и даже показатели двух модернистски ориентированных кластеров

смещении в сторону роста значимости индивидуальных интересов и толерантности к ситуации «незапограммированности», готовности работать в условиях отсутствия четких правил. Картина же, наблюдаемая по отношению к иерархически организованной модели распределения власти в обществе, уже не демонстрирует таких четких трендов. Четко выраженное у одних модернистски настроенных групп («российские модернисты» и «протомодернисты») стремление к большей равномерности распределения власти в обществе и большей демократичности в принятии решений соседствует с высокой толерантностью к жесткой иерархизированности власти у других («российских постмодернистов»).

Таким образом, на данных, которые получены по совсем иной методике, построенной для других целей и в другой «системе координат», видны многие знакомые по приведенному выше их описанию особенности рассматриваемых кластеров. Прежде всего — разная роль для них индивидуалистических и достижительных ценностей. Понятнее стало и то, что весьма своеобразное отношение россиян к государству и демократии связано не с их антидемократизмом как таковым (на уровне ценностей), а с существованием в общественном сознании особой модели взаимоотношений личности, общества и государства, поддерживающей исторически сформировавшейся системой норм, закрепленных в культуре. Видимо, эти нормы, судя по их устойчивости, являются своего рода «несущим каркасом» нормативно-ценостной составляющей российской культуры в целом. Тем не менее, как я уже отмечала в первой части доклада, по крайней мере в последние 15 лет идет достаточно быстрое размытие основ легитимности этой модели, на микроуровне «подпитывающееся» к тому же спецификой ценностей россиян, о стихийном анархизме которых я также упоминала.

Кроме того, данные исследования по хофстедовой методике свидетельствуют о том, что в российском обществе происходит своего рода «культурный дрейф». В ходе этого дрейфа Россия будет сближаться со странами Запада, прежде всего за счет роста достижительных установок и индивидуализма, по которым она от них до сих пор сильно отстает. Более точно вектор и границы этого движения ясны при взгляде на место на ментальной карте мира двух полярных пар кластеров — «последовательных традиционалистов» и «традиционистов-этакратов», с одной стороны, и «российских постмодернистов» и «российских модернистов» — с другой (рис. 12).

Как видим, все рассматриваемые кластеры, при весьма значительных различиях между собой, остаются в верхней части многомерного пространства и сохраняют свою культурную уникальность. Однако вектор движения от «последовательных традиционалистов» к «российским модернистам» ведет все-таки ко все большему смещению в правую часть пространства, где концентрируются страны западной культуры.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что процессы социокультурной модернизации протекают в России не так, как они протекали в странах классической европейской модели развития. Вероятнее всего, разложение традиционно существовавших в России нормативно-ценостных систем вообще никогда не приведет в ней к массовому принятию традиционных для западной культуры норм и ценностей, сформировав альтернативные модели *modern man*, которые нельзя рассматривать просто как переходные. Можно предположить

не меняют этой картины. Более того, если говорить об их показателях по шкале «маскулинность», то они составляют 42 и 50 баллов, что в первом случае соответствует показателям Испании и Перу (42 балла), а во втором — Пакистана, Малайзии, Австралии и Канады (50–52 балла).

также, что на этом своеобразии сказываются не только уникальные культурные особенности, связанные с историей, религией и другими факторами, но и иная, нежели это было характерно для XIX и XX веков, траектория экономического развития России.

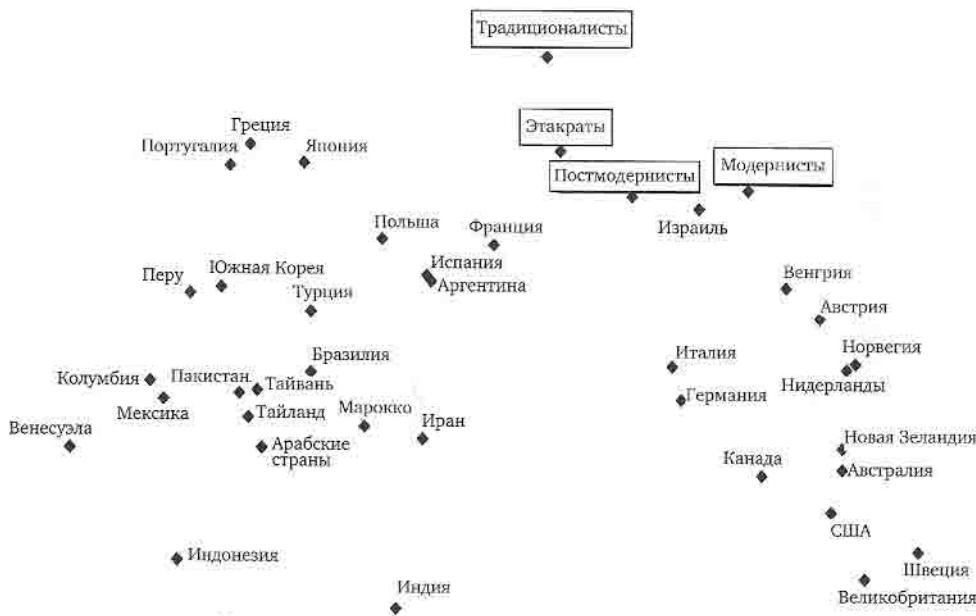

Рисунок 12. Место различных кластеров на ментальной карте мира

Сегодня в так называемых развитых странах на смену индустриализации и урбанизации пришли активное развитие третичного (связанного с производством и воспроизводством человека как важнейшего компонента современных производительных сил) и четвертичного (связанного с производством и циркулированием информации) секторов экономики, предполагающих массовое формирование среднего класса. В России же вот уже порядка 30 лет эти сектора не только не растут, но скорее даже сокращаются. Стагнация характеризует уже 30 лет и процессы урбанизации. Причем, скорее всего, это не чисто российская особенность — не случайно в последние годы все больше говорят о неомодернизационном подходе, предполагающем множественность не только путей, но и результатов модернизационного процесса.

А это значит, что на российском примере можно выделить, видимо, очень важную для понимания процессов культурных изменений в процессе модернизации обществ в XXI веке закономерность. Отсутствие объективных экономических предпосылок для социокультурной модернизации, которые выглядят сегодня несколько иначе, чем в XVIII–XIX веках, может вызывать в модернизирующихся обществах в ходе экономического роста вместо постепенной смены норм и ценностей традиционного общества нормами и ценностями обществ классического «западного» модерна формирование каких-то иных культурных моделей или же состояние длительной социальной аномии. Возможно даже, что именно эти принципиально новые модели и станут определять будущее не только России, но и целых ареалов мира в XXI веке.

Приложение. Особенности нормативно-ценостных систем различных кластеров (%)²²

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционисты	Традиционалисты- эстакаты	Разочаровавшиеся традиционисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Убеждение в необходимости превалирования плановых, а не рыночных начал в российской экономике	82	73	72	58	45	47	30
Убеждение, что государство должно обеспечивать полное равенство всех граждан	59	32	31	48	37	30	12
Выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства	13	22	22	22	12	62	70
Убеждение, что уважение к традициям и следование привычному важнее инициативности и поиска нового	82	50	71	64	69	23	48
Убеждение, что конкуренция вредна	69	18	28	29	16	9	15
Установка на то, чтобы жить как все, а не выделяться среди других	82	62	41	72	51	14	28
Убеждение, что материальное благополучие важнее, чем свобода	40	58	44	44	75	19	36
Убеждение, что чего-то добиться можно лишь действуя сообща, а не рассчитывая только на свои силы	52	48	60	46	74	35	53
Убеждение, что перемены в нашем обществе надо проводить «сверху», а не «снизу»	69	84	53	77	46	60	57
Успех — результат везения и связей, а не упорного труда	41	60	62	39	44	45	57
Выбор в альтернативе «интересная работа» — «высокая зарплата» в пользу зарплаты	44	62	42	62	58	23	40
Убеждение, что материальное положение человека зависит от ситуации в стране, а не от него самого	66	62	64	47	54	47	34
Убеждение, что равенство доходов важнее, чем равенство возможностей	46	38	43	48	29	25	31
Уверенность, что без помощи государства они не выживут	72	66	66	68	59	58	33
Убеждение, что нужно приспосабливаться к реальности, а не бороться за свои права	69	60	48	39	34	27	44
Убеждение, что все перемены к худшему	80	43	36	52	36	17	31
Негативное отношение к приезжим	60	68	36	61	31	76	47
Негативное отношение к Европейскому Союзу	49	57	32	38	48	42	31
Негативное отношение к Западу	59	72	33	54	59	49	37
Негативное отношение к Азии	61	48	41	57	70	64	40
Негативное отношение к модернизации	48	22	37	20	16	10	22
Негативное отношение к различиям	57	57	29	43	51	31	33
Негативное отношение к риску	58	58	33	48	60	34	45
Негативное отношение к глобализации	66	63	53	48	83	44	38
Негативное отношение к индивидуализму	45	51	38	28	62	11	22
Негативное отношение к демократии	56	31	22	20	10	17	16
Согласие с суждением «Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходит. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство»	78	75	33	26	42	32	43

22 Указана доля выбравших соответствующий ответ в рамках того или иного вопроса. Фоном выделены те варианты ответов, которые набрали в данном кластере свыше двух третей поддержки или менее одной трети, т.е. ответы, где прослеживалось отчетливое доминирование соответствующих взглядов в кластере.

Переменные	Кластеры							
	Последовательные традиционалисты	Традиционисты- эзакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты	
Согласие с невозможностью согласовать интересы всех групп общества	76	78	21	45	24	78	69	69
Убеждение, что роль оппозиции в обществе заключается в помощи правительству	69	77	33	19	54	69	60	
Согласие с суждением «Всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реальностям»	62	48	15	48	52	34	43	
Согласие с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	62	71	25	77	41	67	46	
Согласие с тем, что законы надо соблюдать только если это делают и представители власти	76	58	25	78	83	62	52	
Согласие с тем, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	67	41	23	71	55	63	69	
Согласие с суждением «Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции»	62	50	20	22	63	60	62	
Согласие с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства	47	37	15	42	36	46	42	
Согласие с тем, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет — главное, чтобы это было справедливо	49	19	13	62	51	45	46	
Согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения	83	54	24	58	58	89	72	
Согласие с тем, что если прессы нарушают интересы государства, ее свободу следует ограничить	34	42	12	40	37	31	39	
Убеждение, что природные богатства страны могут принадлежать кому-то кроме народа и государства	14	6	10	13	3	7	70	
Убеждение, что хорошие руководители для России важнее, чем хорошие законы	37	86	39	27	41	41	47	

Игорь Клямкин:

У меня есть ряд вопросов к докладчику. Первый из них касается представленной в докладе ментальной карты. На ней Россия располагается вблизи стран западного культурного ареала, но при этом находится над ним. Что это за место такое — рядом и вверху? Обращает на себя внимание и то, что Россия оказалась на карте около Венгрии и Израиля. Надо ли понимать это так, что венгры и израильтяне ментально к россиянам ближе всех? Если да, то получается, что при одной и той же ментальности могут иметь место разные политические системы. В отличие от России, в Венгрии и Израиле они, как известно, демократические...

Наталья Тихонова:

На карте представлены данные, полученные по методике Хоффстеда. Изначально она разрабатывалась для анализа производственной, организационной культуры, будучи с политическими системами связанный очень слабо. Предполагается,

однако, что такие «отлавливаемые» в ней нюансы, как отношение к иерархизированности власти («дистанция власти»), успеху, понятности правил деятельности и индивидуализму, характеризуют важные стороны различных культур как таковых и разных типов организационных культур в частности. Поэтому многие распространяют хофстедовскую методику на анализ особенностей культуры той или иной страны в целом, но лишь в той части этой культуры, которая с политикой и политическим устройством напрямую не связана. Вот и оказалась Россия на ментальной карте рядом с такими демократическими странами, как Израиль и Венгрия. В случае с Израилем, который к ней ближе всего, сказалось, возможно, то, что в нем очень много выходцев с постсоветского пространства.

Теперь о том, почему Россия находится на карте вверху. Дело в том, что обычно хофстедовские индексы графически представляются «двумерками», когда из четырех шкал, на основе которых определяются культурные характеристики страны, берутся две, и дальше соответствующие показатели по этим шкалам откладываются на двух осях графика. Но в данном случае был применен нетрадиционный метод обработки данных, полученных по этой методике: чтобы учесть показатели сразу всех четырех шкал, была проведена процедура многомерного шкалирования. Поэтому верх и низ имеют на этой карте такое же условное значение, как верх и низ, когда мы смотрим на звезду в космосе. Там нет ни верха, ни низа, это какое-то абстрактное пространство. Здесь значимо другое — то, что Россия стоит в этом пространстве *особняком по отношению ко всем странам мира*. Если говорить о конкретных количественных показателях в баллах, то это проявляется не только в том, что у нее по каждой шкале своеобразные показатели и что каждый раз ее соседями по различным шкалам оказываются разные страны, но и в том, что и соотношения показателей шкал в ней очень сильно отличаются от их соотношения в других странах.

Например, в стране, которая будет близка к России по показателям дистанции власти, может оказаться, что отношение ее показателей по шкале «индивидуализм» к аналогичным показателям в России будет 1:2. А в другой стране, которая тоже будет близка к России по показателям дистанции власти, оно будет 2:1, т.е. прямо противоположное. Это и значит, что Россия характеризуется не только спецификой баллов, но и спецификой соотношения показателей по разным шкалам. И хотя напрямую к политике эти шкалы никакого отношения не имеют, игнорировать их при анализе политической ситуации в России нельзя. Ведь политика и отношение к ней и ее институтам проис текают из более глубинного пласта культуры, и не случайно ареалы стран западной и не западной культуры, как хорошо видно на ментальной карте, объединяются в два четких кластера. Россия же находится вне того и другого кластера. В содержательном плане ключевым, с точки зрения выводов, является именно это.

Игорь Клямкин:

Мы погружаемся в вопросы методики глубже, чем хотелось бы. Но, учитывая характер доклада, нам, наверное, от этого не уйти. А то, что Россия — страна ментального одиночества, очень даже интересно.

Алексей Давыдов:

Не могли бы вы повторить, какие шкалы используются в методике Хофстеда?